

УДК 81

ББК 81.1

П60

Т. Ю. Портнова

Иркутск, Россия

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПОРЯДКА СЛОВ

Целью статьи является обобщение опыта лингвистов в части исследования порядка слов с позиций когнитивного подхода. В статье представлен обзор специальной литературы, в той или иной мере касающейся данного вопроса. Особое внимание уделяется источникам, анализирующим роль познавательных процессов, в частности восприятия, в синтаксическом оформлении предложения. Автор показывает, что порядок слов как языковая категория имеет наряду с синтаксическим и семантическим аспектами и когнитивный элемент.

Ключевые слова: порядок слов, глубинная структура, избирательность восприятия.

T. Yu. Portnova

Irkutsk, Russia

COGNITIVE ASPECT OF WORD ORDER

The aim of the paper is an attempt to sum up linguists' experience on the problem of word order analysis from the cognitive perspective. The article provides a review of special literature to a varying degree related to the issue. Special attention is paid to the sources analyzing the role of cognitive processes, in particular, perception in the syntactical formation of a sentence. The author shows that the word order as a linguistic category has along with the syntactical and semantic aspects a cognitive element as well.

Key words: word order, deep structure, selectivity of perception.

Порядок слов является сложной, разноплановой языковой категорией. Данная статья представляет собой попытку систематизировать и обобщить опыт лингвистов по проблеме порядка слов с позиций когнитивного подхода, то есть описать его когнитивную составляющую, которая является наименее изученной из всех его аспектов. Толкование языка как ментальной системы, сотворенной человеческим сознанием, вводит в языковой анализ познавательную деятельность человека, суть которой, согласно многочисленным исследованиям, заключается в следующем. Картина мира создается в человеческом сознании в процессе восприятия окружающей его действительности, проходит через систему ценностей человека, формируется мыслью и выражается в языке [Арутюнова, 1999; Малинович, 2003, 2005; Фурс, 2004; Кравченко, 2004; Колшанский, 2005; серия «Логический анализ языка» и др.]. Познавательные процессы, происходящие в сознании человека, определенно накладывают отпечаток на ход его мыслительной деятельности, что, в свою очередь, находит отражение в языке и, в частности, в синтаксисе предложения.

Первой попыткой рассмотреть синтаксис предложения в когнитивном аспекте, ставшей, по сути, базой для такого подхода, является теория глубинных структур, которая была разработана Н. Хомским на основе трансформационного анализа. Трансформационный анализ, сформулированный и разработанный в трудах З. Харриса [Харрис, 1962] и Н. Хомского [Хомский, 1962], стал одним из научных методов синтаксиса, которые эксплицируют иерархию синтаксических функций, реализуемых в предложении, в отличие от предшествующего им метода непосредственно составляющих (НС). Слабым местом метода непосредственно составляющих было полное отвлечение от семантических, логических и психологических критериев и категорий, что влекло за собой ряд проблем, в частности, невозможность различать омонимичные синтаксические конструкции, отмеченную Н. Хомским: *They – are flying – planes* ‘Они водят самолеты’; *They – are – flying planes* ‘Они – летящие самолеты’ [Хомский, 2003]. При по-

мощи трансформаций выявить подобные семантические различия не представляло труда, и дальнейшее развитие трансформационного анализа заложило основы генеративной (порождающей) грамматики, суть концепции которой заключается в том, что существует базовая система ядерных синтаксических типов, трансформация которых по определенным правилам обеспечивает наличие широкого разнообразия синтаксических структур. Это – глубинная структура предложения, т. е. структура, существующая в сознании человека и иконически отражающая реальное положение дел [Хомский, 1962, 2003].

Эта теория явилась серьезным прорывом в изучении языка, которое до этого момента было сосредоточено на видимой стороне языковых категорий, не касаясь механизмов сознания и мышления человека, и, несмотря на очевидные недостатки (обусловленные, в первую очередь, связью с дискриптивной лингвистикой и ориентированием на математическую логику), по праву считается важным вкладом генеративной грамматики в синтаксическую теорию.

Глубинная и поверхностная структуры предложения (*deep and surface structures*) как его ментальный и языковой уровень или, другими словами, его смысловой и грамматический план представляют собой обязательные атрибуты предложения как «картины действительности» [Витгенштейн, 1994, с. 28], существующей в человеческом сознании и выраженной в языке. Именно единство формы и содержания предложения обеспечивает ему статус автономной цельнооформленной единицы языка. Поэтому концепция глубинных и поверхностных структур предложения получила общее признание в лингвистике и по сей день не теряет своей важности и злободневности. Предложена теория синтаксических концептов [Попова, 2001], представлены как синтаксические концепты структурные схемы простого предложения [Волохина, 2003], сформулированы критерии и механизмы моделирования синтаксически репрезентируемых концептов [Фурс, 2004], представлена идея репрезентации языкового и неязыкового знания синтаксическими средствами [Фурс, 2004], разработана транзакционная модель дискурса, благодаря которой можно объяснять синтаксические трудности языков [Йокояма, 2005], предпринята попытка обозначить логико-семантический аспект

порядка слов и описать синтаксические закономерности, обусловленные особенностями восприятия и логикой мыслительной деятельности говорящего [Портнова 2007, 2010].

Отражение процесса восприятия в синтаксическом оформлении предложения обусловлено, в частности, таким его свойством, как избирательность. Его суть состоит в том, что в ситуации существует объект, который будет отражен в сознании более отчетливо по сравнению с остальными объектами, участвующими в ситуации (пользуясь терминологией гештальтпсихологии, это «фигура» и «фон») [Дункер, 1965].

По поводу того, что будет фигурой (то есть будет воспринято в первую очередь), а что фоном, единого мнения среди ученых нет. Более того, в специальной литературе представлены диаметрально противоположные суждения на этот счет. Сторонники одной гипотезы считают, что те объекты, которые ожидаемы и находятся в пределах нормы, будут фоном, а восприятие захватит в первую очередь нестандартные явления, отличающиеся от общего фона. В подтверждение этому приводится анализ лексических единиц, характеризующих разную степень определенного признака, где убедительно демонстрируется преобладание средств для выражения полюсов признака по сравнению с серединой. Так, на параметрической шкале прилагательных *маленький – средний – большой* легче подобрать синонимы к ее флангам, чем к середине [Арутюнова, 1999].

Представителем противоположной точки зрения, заключающейся в том, что восприятие будет нацелено на тот объект, который задан установками и который человек собирается увидеть, является, в частности, Дж. Брунер. Сформулированная им и Л. Постманом теория ожидания сводится к тому, что в процессе восприятия человек либо подтверждает, либо опровергает заранее выдвинутую им гипотезу, которая возникает на основе усвоенного им ранее опыта и установления отношений между явлениями и событиями окружающей действительности [Брунер, 1977]. Такое видение проблемы опирается на проявление еще одного важного свойства восприятия – его направленность.

Реализация мысли языковыми средствами осуществляется в речи, одним из принципиальных атрибутов которой является линейность. Слова в предложении не могут быть произнесены одновременно, они выстраиваются друг за другом в определенной последовательности. От чего же зависит определенный порядок расположения компонентов высказывания? По всей видимости, первоначально ключевым критерием является именно избирательность восприятия, выделение «фигуры» и «фона», определение в мысли главного элемента, соответствующего цели высказывания и отвечающего когнитивным установкам человека.

В лингвистике можно найти свои, языковые эквиваленты терминам гештальт-психологии «фон» и «фигура». Это понятия темы и ремы. Согласно концепции В. Матезиуса, лидера Пражской лингвистической школы, разработавшей основополагающую концепцию актуального членения предложения, тема (основа) высказывания выражает то, что является исходным пунктом в передаваемой информации, то есть то, что известно адресату высказывания. Рема же – ядро – это то, что говорящий хочет сообщить об основе высказывания. Тема, согласно концепции В. Матезиуса, не дает новой информации, но она необходима для включения предложения в контекст всего высказывания [Матезиус, 1967].

Тема сопоставляется с субъектом высказывания, а рема – с его предикатом, которые не всегда совпадают с грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого и определяются коммуникативными намерениями говорящего.

Расположение темы и ремы – это лишь одно из проявлений избирательности восприятия в синтаксических структурах. В сочинительных конструкциях, элементы которых можно соотнести друг с другом по какой-либо семантически градуированной шкале, их поступательное расположение также обусловлено выделением наиболее существенного элемента и постановкой его в препозицию по отношению к остальным элементам, например, *отцы и дети*. Эта особенность позволила сформулировать принцип меризма, обнаружить логику соотношения больших и малых величин [Малинович, 2005], описать градацию не как стилистическую фигуру, а как универсальное средство синтаксического оформления отношений между объектами с разной семантической значимостью [Портнова,

2017]. Такая формулировка вовлекает в анализ большое многообразие семантических критериев, влияющих на порядок слов в предложении. Среди них можно назвать эгоцентрические координаты, гендерные отношения, а также множество других критериев, обусловленных общим фондом знаний, сформированным в сознании человека [Портнова, 2007].

Также, опираясь на особенности восприятия, некоторые исследователи пытаются объяснить базовый, немаркированный, порядок слов. Так, Дж. Андерсон, используя статистические данные Ulan (1969), анализирует возможные варианты порядка слов, встречающихся в языках мира, и приходит к выводу, что субъект почти всегда находится в препозиции относительно объекта: SOV – 44 %, SVO – 35 %, VOS – 2 %, VSO – 19 %, OVS – 0 %, OSV – 0 %. «Этот порядок имеет определенный смысл, если мы подумаем о познании. Действие всегда начинается с агенса и затем влияет на объект. Следовательно, вполне естественно, что подлежащее предложения, выполняющее функцию агенса, стоит на первом месте» [Андерсон, 200, с. 356].

Эту же проблему К. Ажеж трактует несколько иначе. В своих рассуждениях он обратился к языкам глухонемых людей и выяснил, что в них порядок SVO практически не используется. Например, предложение «Собака преследует зайца» в этих языках будет представлено как последовательность знаков «собака» + «заяц» + «преследовать», то есть в первую очередь определяется агенс и пациенс, а затем связь между ними, либо последовательность «заяц» + «собака» + «преследовать» и «заяц» + «преследовать» + «собака», то есть, по сути, жестовое изображение события: заяц, которого преследуют, находится впереди и появляется в поле зрения первым. Такой расклад позволяет К. Ажежу предположить, что SOV, OVS и OSV не менее естественны, чем SVO. Порядок SOV, который К. Ажеж определил как порядок концептуального типа, будет считаться естественным, если агенс представлен как побудительная причина, то есть как самый первый элемент. Порядок OVS естественен, если считать критерием естественности ясность и, вслед за Кондильяком, полагать, что наиболее логичный способ выразить связь между участниками ситуации – это поместить между

ними слово, обозначающее эту связь. Порядок OSV или, по К.Ажежу, порядок пространственного типа, естественен, если, ориентируясь на опыт глухонемых, учитывать, что восприятие в пространстве начинается с пациенса, результата или цели, а затем уже агенса, причины или образа действия [Ажеж, 2003, с. 160–164].

Однако пространственный и концептуальный критерии не работают при рассмотрении порядка SVO. К. Ажеж объясняет это положением сказуемого, находящегося посередине и нарушающего однонаправленность порядка: $S \leftarrow V \rightarrow O$ по сравнению с $O \rightarrow S \rightarrow V$ и $S \rightarrow O \rightarrow V$. Поэтому в поиске критерия его естественности К. Ажеж предлагает обратиться к тема-рематическому членению предложения: в начальной позиции находится тема, почти всегда совпадающая с подлежащим, во второй позиции – рема, совпадающая чаще всего со сказуемым. Если рема предполагает наличие еще одного участника, то в структуру включается дополнение (там же).

Когнитивная грань синтаксической структуры представляет собой отражение познавательных процессов, генерируемых в сознании человека. Продолжая мысль И. П. Сусова, по словам которого, в значении слова кристаллизуется бесконечное множество элементов опыта, представлений и понятий (концептов), остающихся за пределами собственно языковой системы [Сусов, 2000, с. 5], можно выявить в поверхностных синтаксических структурах, имеющих линейный характер, кристаллизованный образ глубинных структур, которые обусловлены когнитивными процессами и находятся вне зоны непосредственного наблюдения.

Библиографический список

1. *Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
2. *Андерсон Дж.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002. 496 с.
3. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. *Брунер Дж.* Психология познания: за пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 412 с.
5. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

6. *Волохина Г. А.* Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: ИСТОКИ, 2003. 196 с.
7. *Дункер К.* Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления / Под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.
8. *Йокояма О.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
9. *Колшанский Г. В.* Логика и структура языка. М.: КомКнига, 2005. 204 с.
10. *Кравченко А. В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: ИГЛУ, 2004. 206 с.
11. *Малинович Ю. М.* Антропологическая лингвистика как интегральная наука. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография под редакцией и общим научным руководством доктора филол. наук, проф. .М. Малиновича. Москва – Иркутск: ИГЛУ, 2003. С. 7–29.
12. *Малинович Ю. М.* Философия семантически сопряженных категорий бинарной оппозиции. Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 14–18 июня 2005 г. Иркутск: БГУЭП, 2005. Ч. 1. С. 70–82.
13. *Матезиус В.* О так называемом актуальном членении предложения. Пражский Лингвистический Кружок: сб. статей. М.: Прогресс, 1967. С. 239–246.
14. *Попова З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
15. *Портнова Т. Ю.* Логический аспект порядка слов. Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 1. С. 95–97.
16. *Портнова Т. Ю.* Порядок слов в современном немецком языке: логико-семантический и синтаксический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. Ю. Портнова. Иркутск, 2007. 190 с.
17. *Портнова Т. Ю.* К проблеме соотношения языка и логики // Вестник Иркутского регионального отделения Академии Наук Высшей Школы России. 2010. № 1 (16). С. 22–27.
18. *Портнова Т. Ю.* Градация как семантико-синтаксическое средство организации предложения // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 2. С. 230–239.
19. *Сусов И. П.* Формальный vs. функциональный подходы к языку // Лингвистический вестник. Ижевск: УдГУ, 2000. Вып. 2. С. 63–1.
20. *Фурс Л. А.* Синтаксически репрезентируемые концепты: дисс. ... на соиск. уч. степ. докт. филол. наук: 10.02.04 / Л. А. Фурс. Тамбов: ТГУ, 2004. 28 с.

21. Харрис З. С. Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. Вып. 2. Проблема значения. Дихотомическая фонология. Трансформационная грамматика / Сост. В. А. Звенигцев. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. Вып. 2. С. 528–637.

22. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. Проблема значения. Дихотомическая фонология. Трансформационная грамматика / Сост. В. А. Звенигцев. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. Вып. 2. С. 412–527.

23. Хомский Н. Введение в формальный анализ естественных языков. М.: Едиторал УРСС, 2003. 64 с.

References

1. Azhezh K. (2003). Human Speaking: Contribution of linguistics into liberal arts. М.: Editorial URSS, 2003. 304 p. (in Russian)

2. Anderson G. (2002). Cognitive psychology. St-P.: Piter, 2002. 496 p. (in Russian)

3. Arutjunova N.D. (1999). Language and the human world. М.: Languages of Russian culture, 1999. 896 p. (in Russian)

4. Bruner G. (1972). Psychology of cognition: beyond the direct information. М.: Progress, 1977. 412 p. (in Russian)

5. Wittgenstein L. (1994). Philosophical works. Part 1. М.: Gnozis, 1994. 612 p. (in Russian)

6. Volohina G.A. (2003). Syntactical concepts of a Russian basic sentence. Voronezh: ISTOKI, 2003. 196 p. (in Russian)

7. Dunker K. (1965). Psychology of productive (creative) thinking // Psychology of thinking / ed. by A. M. Matyushkin. М.: Progress, 1965. P. 86-234. (in Russian)

8. Jokojama O. (2005). A cognitive model of discourse and the Russian word-order. М.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 424 p. (in Russian)

9. Kolshanskij G.V. (2005). Logic and language structure. М.: KomKniga, 2005. 204 p. (in Russian)

10. Kravchenko A.V. (2004). Language and perception: Cognitive aspects of language categorization. Irkutsk: ISLU, 2004. 206 p. (in Russian)

11. Malinovich Ju. M. (2003). Anthropological linguistics as an integral science / Ju. M. Malinovich, M. V. Malinovich // Anthropological linguistics: Concepts. Categories: multi-authored monograph under the editorship and general scientific supervision of Doctor of Philological Sciences, Professor Ju. M. Malinovich. Moscow-Irkutsk: ISLU, 2003. P.7-29. (in Russian)

12. Malinovich Ju. M. (2005). Philosophy of semantically conjugated categories of binary opposition / Linguistic paradigms and linguodidactics: Materials of X International research and practice conference, Irkutsk, June 14-18th 2005. Irkutsk: , 2005. C.1. P. 70-82. (in Russian)

13. *Mathesius V.* (1967). Concerning so-called actual division of a sentence. Prague linguistic circle: collection of articles. M.: Progress, 1967. P. 239-246. (in Russian)
14. *Popova Z.D.* (2001). Essays on cognitive linguistics. Voronezh: Istoki, 2001. 191 p. (in Russian)
15. *Portnova T.Ju.* (2007). Logic aspect of word order. Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy. 2007. №1. P. 95-97. (in Russian)
16. *Portnova T.Ju.* (2007). Word order in the modern German language: logic-semantic and syntactical aspects: dissertation for a degree of Cand. Sci. (Philol.): 10.02.04 / T.Ju. Portnova. Irkutsk, 2007. 190 p. (in Russian)
17. *Portnova T.Ju.* (2010). Concerning the language and logic correlation // Bulletin of the Irkutsk regional department of the Russian Higher Education Academy of Sciences. 2010. № 1 (16). P. 22-27. (in Russian)
18. *Portnova T.Ju.* (2017). Gradation as a semantic-syntactical means of sentence organization // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2017. № 2. P. 230-239.
19. *Susov I.P.* (2000). Formal vs. Functional language approaches // Linguistic Bulletin. Izhevsk: UdSU, 2000. Iss. 2. P.63-71. (in Russian)
20. *Furs L.A.* (2004). Syntactically represented concepts: dissertation for a degree of D Sci. (Philol.) : 10.02.04 / L.A. Furs. Tambov, 2004. 28 p. (in Russian)
21. *Harris Z. S.* (1962). Co-occurrence and transformation in a language structure // New in linguistics. Iss.2. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1962. P.528-637. (in Russian)
22. *Chomsky N.* (1962). Syntactical structures // New in linguistics. Iss.2. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1962. P. 412-527. (in Russian)
23. *Chomsky N.* (2003). Introduction to formal analysis of natural languages. M.: Editorial URSS, 2003. 64 p. (in Russian)